

Х Е Л Е Н А М О Р

ТЫ ПРОСНЁШЬСЯ ПОСЛЕДНИМ

18+

К Н И Г А П Е Р В А Я

Хелена Мор

Ты проснёшься последним

<https://litres.ru/74619378>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ника встречает его во сне, пока муж спит рядом. Незнакомец знает её имя, держит окровавленную ладонь и просит не забывать то, что случилось между ними.

Утром Ника находит его на старой фотографии. Марк пропал в 2004 году.

Она занимается восстановлением аудиозаписей и привыкла искать объяснение каждому чужому голосу. Но на кассете, записанной двадцать два года назад, слышит собственный: «Марк, пожалуйста, не отпускай меня».

Чтобы найти его, Нике придётся научиться оставаться во сне, когда хочется проснуться. Дома её ждёт муж. По ту сторону сна — мужчина, которого она не помнит, но к которому всё сильнее тянется.

И кто-то уже знает, чем закончится её следующая ночь.

Первая книга «Ты проснёшься последним» — мистический триллер об осознанных снах и женщине, которая ищет пропавшего человека, рискуя потерять собственную жизнь и брак.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Хелена Мор

Ты проснёшься последним

Глава 1

Впервые я встретила его, пока муж спал рядом. Антон от-
вернулся к стене, а незнакомец стоял посреди нашей кухни
и стирал с ладоней мою кровь.

— Когда проснёшься, он спросит, что тебе снилось, —
сказал незнакомец. — Сегодня можешь сказать правду. Не
оставайся с этим одна.

Я посмотрела на свою руку.

Поперёк ладони тянулся порез. Кровь собиралась в углуб-
лении у большого пальца и капала на пол. Боли не было. Это
почему-то испугало сильнее самой раны.

— Кто вы?

Он перестал тереть руки полотенцем.

Красивым я бы его сразу не назвала. Сломанный когда-то
нос, тёмные волосы, усталые глаза. Но смотрел он так, что
захотелось поправить футболку. И тут же стало противно:
моя кровь у него на пальцах, а я думаю о том, как выгляжу.

— Ника, посмотри на меня.

— Я смотрю.

— Внимательно.

Я отступила к двери.

Наша кухня была почти обычной. Чашка Антона возле кофемашины. Мой ноутбук на подоконнике. Полотенце, которое я вчера собиралась выбросить.

Только за окном падал снег.

Мы жили на девятом этаже, но снег летел снизу вверх.

Я задержала дыхание.

— Это сон.

Незнакомец выдохнул.

— Хорошо. Теперь не торопись.

От этих слов кухня дрогнула. Край стола стал прозрачным, за ним проступила другая комната — белая, пустая. Я успела увидеть лежащую на полу туфлю.

— Эй. Смотри сюда.

Он положил передо мной полотенце.

— Потрогай.

— Не командуйте мной.

— С удовольствием. Через минуту.

Я прижала к ткани здоровую ладонь. Почувствовала жёсткую петлю, влажный край, старый шов. Стол снова стал стол.

Незнакомец стоял так близко, что я различала маленький шрам у него под нижней губой.

Мне захотелось коснуться его.

Желание было внезапным и совершенно неуместным. Я сжала пальцы.

Он заметил.

— Не надо, — тихо сказал он.

— Что?

Ответить он не успел.

Из спальни донёсся голос Антона:

— Ник?

Незнакомец повернул голову.

Я тоже посмотрела в коридор. Свет там не горел.

— Муж проснулся, — сказала я.

— Нет.

— Откуда вы знаете?

Он взял меня за запястье. Осторожно, выше пореза.

— Когда он позовёт ещё раз, не отвечай.

Я дёрнула руку.

Он сразу отпустил.

— Вы приходите ко мне домой, говорите какие-то вещи, хватаете меня...

— Ты сама меня впустила.

— Я вас впервые вижу!

Теперь он отступил.

На его лице что-то изменилось. До этой секунды он был собранным, почти спокойным. А сейчас смотрел на меня так, будто я сообщила ему о чьей-то смерти.

— Впервые, — повторил он.

Из коридора снова позвали:

— Ника. Ты с кем разговариваешь?

Голос Антона звучал раздражённо. Знакомо. Так он спрашивал, когда я среди ночи слушала запись и забывала надеть наушники.

Я уже открыла рот.

Незнакомец покачал головой.

И я заметила: голос доносился не из спальни.

Он шёл из выключенной кофемашины.

— Что это? — прошептала я.

— Теперь можно уходить.

— Как?

— Вспомни, где твоё тело.

Я представила кровать. Складку простыни под бедром.

Тяжёлую руку Антона, которую перед сном переложила с себя на одеяло.

Кухня потемнела.

Незнакомец быстро нагнулся и поднял что-то возле моих ног.

— Возьми.

Он протянул маленький серебряный ключ.

— Зачем?

— Чтобы утром у тебя остался вопрос.

Я не успела взять его.

Проснулась оттого, что Антон гладил меня по плечу.

— Ник. Ты чего?

Я лежала на спине. Сердце стучало так сильно, что дрожала футболка.

В комнате было темно. На шкафу светились цифры: 03:17.

— Что тебе снилось? — спросил муж.

Я посмотрела на него.

Сегодня можешь сказать правду.

— Мужчина на кухне.

Рука Антона остановилась.

— Какой мужчина?

— Не знаю. Я его не видела раньше.

Он убрал руку и сел.

Несколько секунд мы молчали.

— Антон?

— Сон просто, — сказал он. — Ложись.

Но сам не лёг.

Я включила лампу.

Моя ладонь была целой. Я провела по ней пальцем, надавила там, где только что был порез.

Ничего.

Потом подняла глаза на мужа.

— Ты почему так отреагировал?

— Как?

— Ты испугался.

— Ты кричала во сне. Конечно, я испугался.

Я не помнила, чтобы кричала.

Антон потянулся выключить лампу, и из рукава его футболки выпала чёрная нитка. Зацепилась за запястье.

Я узнала её сразу.

На кухонном полотенце давно разошёлся шов. Вчера я обрезала торчащие нитки маленькими ножницами.

— Ты вставал? — спросила я.

— Нет.

Я посмотрела на его руки.

Он спрятал их под одеяло.

— Покажи руки.

Антон посмотрел на меня, потом на свои запястья.

— Что?

— Руки покажи.

Он вытащил их из-под одеяла. На правой ладони, возле большого пальца, темнело пятно.

У меня похолодело под рёбрами.

Я схватила его руку и потёрла пятно. Оно размазалось.

— Это кровь?

— Шоколад.

Я понюхала палец.

Шоколад.

Некоторое время мы смотрели друг на друга.

— Ты ел шоколад ночью?

— Нет, Ника. Я спал с ним в обнимку.

Я отпустила его руку.

Антон вздохнул.

— Да, вставал. Да, ел на кухне. И да, соврал, потому что сейчас будет лекция про сахар в три часа ночи.

— Не будет.

— Уже необычно.

Он лёг, подтянул одеяло к плечу.

Объяснение было нормальным. Настолько нормальным, что я почувствовала себя душой. Стою посреди спальни, обнюхиваю мужа, требую предъявить руки.

— Ты правда кричала, — сказал он уже тише. — Я проснулся, тебя растолкал. Всё.

— Что кричала?

— Не разобрал. Имя какое-то.

Я села на край кровати.

— Какое?

— Ник, я спросонья был.

— Попробуй вспомнить.

Он закрыл глаза. Я уже решила, что не ответит.

— Марк, кажется.

* * *

На кухне пахло какао.

На столе лежала раскрытая шоколадка, рядом — кружка. Полотенце висело на спинке стула. Никаких следов крови. За окном светились окна соседнего дома.

Я проверила пол возле холодильника.

Потом под столом.

Потом зачем-то заглянула в мусорное ведро.

Серебряного ключа нигде не было.

— Отлично, — сказала я себе. — Теперь мы ищем предметы из снов. Следующий этап — жалоба в управляющую

компанию на снег неправильного направления.

Собственный голос немного успокоил.

Я включила чайник, достала телефон и открыла заметки.

«Кухня. Мужчина. Порез на левой ладони. Снег вверх. Ключ».

Палец завис над экраном.

Лицо уже распадалось. Нос я помнила. Шрам тоже. А глаза — нет. Тёмные? Серые?

Ещё пять минут назад мне казалось, что я узнаю его из тысячи людей. Теперь пришлось бы спрашивать у каждого: извините, вы случайно не вытирали мою кровь?

Я дописала:

«Марк — имя сказал Антон. Сам мужчина не назывался». Это было важно.

Или мне хотелось, чтобы было важно.

Чайник щёлкнул.

Я открыла рабочий ноутбук. До утреннего звонка оставалось пять часов, а клиент всё равно ждал пробный фрагмент. Чем лежать и прислушиваться к спальне, лучше закончить.

Запись прислали вечером: домашняя кассета начала двухтысячных, оцифрованная на дешёвом магнитофоне. Женщина хотела восстановить голос матери. На кухне праздновали чей-то день рождения, все говорили одновременно, возле микрофона шуршал пакет.

Я надела наушники.

Знакомый шум лёг в голову ровной полосой. Здесь я по-

нимала, что делать. Гул сети убрать. Щелчки обработать отдельно. С голосом аккуратнее: если вычистить всё, от человека останется говорящий манекен.

Я выделила короткий участок.

— ...тарелки возьми, они наверху...

Шорох. Смех. Звон стекла.

Потом мужской голос, почти съеденный шумом:

— Ника, посмотри на меня.

Я сняла наушники.

Посидела.

Снова надела.

Прослушала участок без обработки.

— Вика, посмотри на меня.

Вика.

Я приблизила дорожку. Ещё раз.

Вика. Обычное имя. Обычный семейный праздник.

Но я уже слышала этот голос.

Не во сне.

До сна.

Вечером я включала кассету, проверяла качество и оставила её играть, пока отвечала на сообщения. Значит, мозг взял чужую фразу, переделал имя и собрал мужчину.

Я откинулась на спинку стула.

Вот и всё.

Шоколад. Старая кассета. Муж, которого я разбудила.

У меня даже получилось рассмеяться.

А потом женщина на записи сказала:

— Марк, отойди от окна. Ну сколько можно тебя просить?

* * *

Утром Антон дважды напомним, что пора вставать.

Я сидела за столом в наушниках и слушала один и тот же фрагмент.

— Ты вообще ложились? — спросил он.

— Нет.

Он посмотрел на чашку, на ноутбук, на меня.

— Из-за сна?

— Из-за работы.

Это тоже было враньё. Маленькое, удобное. Вроде ночного шоколада.

На записи Марк больше не говорил. Я проверила все сорок две минуты: смех, поздравления, спор про дорогу, ребёнок требовал включить музыку. Дважды кто-то обращался к нему, но ответа не было слышно.

Антон достал кружку.

— Тебе кофе?

— Да.

Я смотрела, как он насыпает зёрна. Почесал щёку. Зевнул. Уронил ложку и тихо выругался.

Мне вдруг стало стыдно за ночной допрос.

— Прости, что разбудила.

— Ты не специально.

— И за руки.

Он обернулся.

— За руки особенно. У меня ещё никто шоколад так не конфисковывал.

Я улыбнулась.

Антон поставил кофе рядом и поцеловал меня в макушку.

Всё было на месте.

И всё равно я ждала, пока он уйдёт.

* * *

Клиентку звали Ольга. Я написала ей в девять двадцать:

«Доброе утро. Пробный фрагмент будет сегодня. Подскажите, пожалуйста, кто такой Марк на записи? Его голос перекрывается шумом, хочу понять, нужно ли уделить ему отдельное внимание».

Я перечитала сообщение.

Для работы мне совершенно не требовалось знать, кто такой Марк.

Отправила.

Ответ пришёл через четыре минуты.

«Марк — мой брат. Если можно, его тоже сохраните, конечно».

Следом появилась фотография.

Я не открывала её несколько секунд.

На маленьком превью стояли люди возле накрытого стола. Женщина с высокой причёской, мужчина в рубашке, две девочки. Справа, у окна, — парень в сером свитере.

Я увеличила снимок.

Моложе. Значительно моложе.

Нос прямой. Губы без шрама.

Но я узнала его раньше, чем успела всё это рассмотреть.

Телефон завибрировал в руке.

«Он терпеть не мог фотографироваться. Это единственный кадр с того вечера, где нормально получился».

Я набрала:

«У вас есть более поздние фотографии?»

Стёрла.

Написала:

«А с ним можно связаться? Возможно, он помнит, что там говорили».

Ольга ответила не сразу.

Я успела пройти до окна и обратно.

«Нет. Марк пропал в 2004 году».

Я села.

Потом пришло ещё одно сообщение.

«А что вы слышали?»

Я набрала: «Ничего особенного».

Посмотрела на эти два слова.

Стёрла.

«Фразу, которая мне знакома».

Ответ пришёл почти сразу.

«Позвонить можете?»

* * *

Ольга говорила негромко и очень отчётливо. Так разгова-

ривают люди, которым часто приходится повторять одно и то же.

— Какую фразу?

— «Вика, посмотри на меня».

На другом конце стало тихо.

Я слышала, как она поставила что-то на стол. Чашку, наверное.

— Ника, — сказала Ольга.

— Что?

— Он говорит «Ника». Там не Вика.

Я посмотрела на ноутбук.

— На записи есть Ника?

— Нет.

— Тогда откуда вы...

— Это вы должны мне объяснить. Я вчера вам написала своё имя, а вы — своё. Впервые. Правильно?

— Правильно.

— Кассету я оцифровала в феврале. Могу прислать исходный файл с датой. И саму кассету показать.

Я закрыла глаза.

Она решила, что я подделала запись.

В каком-то смысле это было лучше, чем всё остальное.

— Ольга, я ничего туда не добавляла. Фраза есть в исходнике. Можете сами послушать.

— Я знаю. Я её двадцать лет слушаю.

На кухне заработал холодильник. Я вздрогнула.

— Почему вы решили обратиться именно ко мне?

— Мне вас рекомендовали.

— Кто?

— Ирина Соколова. Вы ей восстанавливали запись свадьбы.

Ирину я помнила. Длинная переписка, семь версий одной песни, просьба убрать кашель свекрови.

Ольга продолжила:

— Ника, вы так спрашиваете, будто я что-то устроила. Я хотела услышать маму. У меня от неё три кассеты, и на двух почти ничего нельзя разобрать.

Она замолчала.

Я потёрла переносицу.

— Простите.

— Вы знаете Марка?

Теперь молчала я.

Сказать «он мне приснился» было легко. Объяснить, почему из-за этого я расспрашиваю незнакомую женщину о пропавшем брате, — гораздо труднее.

— Мне приснился человек, похожий на него.

Ольга резко вдохнула.

— Когда?

— Этой ночью.

— До фотографии?

— Да.

— Что он делал?

Я посмотрела на собственную ладонь.

— Стоял на кухне. Разговаривал со мной.

— Сколько ему было лет?

— Около тридцати пяти. Может, чуть больше.

Послышался скрип стула.

— Ольга?

— Ему было девятнадцать, когда он пропал.

Я снова открыла снимок.

Парень у окна теперь казался совсем молодым. На лице ещё оставалась мягкость, которой у мужчины из сна не было.

— Значит, я ошиблась.

— Может быть.

Она сказала это без облегчения.

— У него был шрам? — спросила Ольга.

Я перестала двигаться.

— Где?

— Вы сначала скажите, был или нет.

— Под нижней губой. Маленький. Справа.

Ольга тихо выругалась.

Я отодвинула телефон от уха, посмотрела на него и вернула обратно. Как будто от этого разговор мог стать обычным.

— На фотографии шрама нет.

— Здесь ему семнадцать. Он позже упал с велосипеда.

Мы обе помолчали.

— Это ещё ничего не доказывает, — сказала я.

— Я знаю.

И впервые за весь разговор мне стало легче. Оттого, что она не пыталась убедить меня в невероятном.

— Можно я подъеду? — спросила Ольга. — Привезу фотографии. Вы посмотрите и скажете, он это или нет.

Я представила незнакомую женщину за своим столом. Её пропавшего брата на экране. Себя, которая вынуждена объяснять про кровь и голос из кофемашины.

— Лучше встретимся где-нибудь, — сказала я.

* * *

Перед выходом я достала блокнот.

Телефонные заметки меня раздражали: между кухней, порезом и серебряным ключом висел список покупок. Сметана. Лампочка в прихожую. Мешки для пылесоса.

Я переписала сон.

Некрасиво, несвязно — всё, что ещё удавалось вспомнить.

На середине страницы остановилась.

«Ты сама меня впустила».

Я этой фразы утром не записала. А теперь вспомнила не только слова, но и то, как он их произнёс: спокойно, почти устало. Будто мы уже спорили об этом.

Следом всплыло ещё одно ощущение.

Я хотела коснуться его лица.

Не просто потому, что он мне понравился. Я знала, куда положить пальцы. Как он повернёт голову.

Меня охватило такое смущение, что я оглянулась на пу-

стую кухню.

В блокнот это не попало.

Глава 2

Ольга ждала возле окна кофейни.

Я узнала её по сходству с братом. Та же линия бровей, такой же внимательный взгляд. Только её волосы были коротко подстрижены, а на переносице осталась красная отметина от очков.

На столе лежал бумажный конверт.

— Спасибо, что пришли.

Она не протянула руку. Я была ей за это благодарна.

Мы заказали кофе. Несколько минут говорили о записи, сроках, оплате. Обе держались за работу, пока это было возможно.

Потом Ольга открыла конверт.

На первом снимке Марк сидел на ступенях, придерживая велосипед за руль. На нижней губе — пластырь.

На втором стоял по пояс в воде и щурился от солнца.

На третьем спал в кресле. Голова запрокинута, одна рука свисает почти до пола.

Я задержалась на этом снимке.

— Он?

— Похож.

— Вы можете сказать честно. Мне не нужно, чтобы вы меня утешали.

Я подняла глаза.

— Это он. Только во сне был старше.

Ольга кивнула и аккуратно собрала фотографии.

Я ожидала слёз. Вопросов. Хоть какой-нибудь заметной реакции.

Но она просто убрала снимки обратно.

— Вы не первая, — сказала она.

За соседним столом засмеялись. Я машинально посмотрела туда: две девушки рассматривали что-то в телефоне.

— Что значит — не первая?

Ольга достала из конверта сложенный лист.

— В 2011 году мне написала женщина. Нашла страницу, где я искала Марка. Сказала, что видела его во сне.

— Она могла увидеть фотографию и потом...

— Могла. Я тоже так подумала.

Ольга развернула лист и положила между нами.

Распечатанное письмо. Вверху стояла дата.

Я начала читать.

«Я понимаю, как это выглядит. Наверное, вам постоянно пишут странные люди. Но он попросил найти вас».

Ниже женщина описывала комнату: зелёный диван, окно без занавесок, круглая лампа на полу.

Ничего общего с моей кухней.

Я дочитала до конца.

«Ещё он сказал передать, что не надо выбрасывать синюю тетрадь. И что первую страницу лучше читать вдвоём».

— У вас была такая тетрадь?

— Есть.

— Вы её читали?

— Конечно.

— И что на первой странице?

Ольга посмотрела на мои руки.

— Я вам покажу. Но сначала мне нужно кое-что спросить.

Я приготовилась услышать про кровь.

— Во сне вы понимали, что спите?

— В какой-то момент — да.

— А что было прямо перед этим?

— Я увидела снег. Он летел вверх.

Она кивнула.

— А потом?

Я вспомнила исчезающий край стола. Белую комнату за ним.

— Всё начало расплываться. Он дал мне потрогать полотенце, и стало нормально.

Ольга полезла в сумку.

Тетрадь была маленькая, в мягкой синей обложке. Уголки стёрлись до белого, корешок держался на прозрачном скотче.

Она открыла её ближе к середине.

Почерк оказался неожиданно небрежным: буквы разного размера, зачёркивания, стрелки на полях.

«При осознании не закрывать глаза. Не спешить. Найти рядом что-нибудь простое. Потрогать, рассмотреть. Не

ждать чуда — замечать подробности».

Ниже:

«Если быстро проснулся, сразу записать, что успел. Даже если всего три слова. Остальное вспоминается по дороге».

Я подумала о своём блокноте.

О фразе, которую вспомнила, пока писала.

— Это можно где-то прочесть? — спросила я. — Такие советы?

— Можно. Марк много чего выписывал, пробовал, менял. Я не считаю, что он всё придумал.

Она перевернула несколько страниц назад.

— Поэтому меня интересовали подробности.

Первая страница отличалась от остальных: лист был вклеен возле обложки, поверх старой записи. На нём стояла дата: 18 ноября 2004 года.

До исчезновения оставалось, как я узнала позже, одиннадцать дней.

Вверху он написал:

«Человек после пробуждения слишком быстро всему придумывает объяснение. Я тоже».

Дальше шёл список.

Пункт первый:

«Спросить её имя».

Второй:

«Узнать, какой сейчас год».

Третий был обведён дважды:

«Не говорить о муже, пока сама не спросит».

Я прочитала его ещё раз.

Потом посмотрела на Ольгу.

— А теперь, — сказала она, — расскажите мне сон целиком.

Я рассказала почти всё.

Про кровь. Про ключ. Про голос Антона из кофемашины.

На том месте, где мне захотелось коснуться Марка, я перешла сразу к пробуждению. Ольга этого не заметила. Или сделала вид.

— Муж знает? — спросила она.

— Что вы существуете? Пока нет.

— Про сон.

— Часть.

Она закрыла тетрадь.

— Покажите ему.

— Зачем?

— Потому что если бы со мной происходило такое, я бы хотела, чтобы рядом был человек, который знает, что происходит.

Я посмотрела на последний пункт.

— А если эта запись про него?

— Здесь нет имени. Это может быть про кого угодно.

За последние сутки я уже несколько раз начинала подозревать Антона и каждый раз обнаруживала, что у меня нет оснований. Но почерк девятнадцатилетнего парня действо-

вал сильнее здравого смысла.

— Когда вы поняли, что он пропал?

Ольга провела пальцем по стёртому углу обложки.

— Уже в начале декабря. Дату последнего сеанса потом назвал следователь. Марк жил отдельно. В воскресенье мы собирались к маме, он должен был заехать за мной. Не приехал. Телефон не отвечал. Я сначала разозлилась, потом поехала к нему.

— Дверь была открыта?

— Закрыта. У меня были ключи.

— И?

— Куртка в прихожей. Деньги, документы дома. Кровать разобрана. На столе магнитофон.

Я невольно взглянула на конверт с фотографиями.

— Запись осталась?

— Да. Мы отдали её следователю. Потом вернули.

— Что на ней?

— В основном шум. Марк что-то говорит, но слов почти не разобрать. Один эксперт слушал, другой. Потом я перестала искать людей, которые обещали помочь.

Она посмотрела на меня.

Я поняла.

— Вы вчера знали, кто я, ещё до рекомендации Ирины?

— Нет. Вчера я хотела восстановить мамин голос.

Ольга пододвинула тетрадь ко мне.

— А сегодня хочу, чтобы вы послушали ту запись. Если

согласитесь.

* * *

Мы договорились о трёх вещах.

Я возьму тетрадь на два дня. Отсканирую её, чтобы не таскать старую бумагу по городу. Послушаю запись без обещаний что-нибудь найти.

Ольга прислала файл, пока я ещё сидела напротив неё.

Я удержалась и не включила.

Было неприятное ощущение, что стоит надеть наушники — и я перестану замечать человека за столом. А она двадцать два года ждала новостей о брате.

— Та женщина, из письма... Вы потом общались?

— Несколько недель.

— Ей ещё снился Марк?

— Один раз. Она сказала, что он узнал о маме.

— О чём?

— Мама умерла в 2008-м.

Я не знала, что ответить.

Ольга помогла мне сама:

— Больше она не писала. Я тоже. У неё была своя жизнь.

* * *

Антон вернулся в половине девятого.

Я не успела убрать со стола фотографии. Впрочем, уже не собиралась.

Он снял куртку, посмотрел на разложенные листы.

— Работа?

— Отчасти.

Я попросила его сесть.

Через десять минут он встал и пошёл за водой. Выпил почти весь стакан.

— То есть ты услышала человека на кассете, он тебе приснился, а потом его сестра показала старые записи?

— Да.

— Которые подходят под сон.

— Да.

Он опёрся руками о спинку стула.

— Ты сама слышишь, как это звучит?

— Я весь день только этим и занимаюсь.

Антон кивнул. Потом взял фотографию Марка у окна.

— Ты уверена, что до сна нигде его не видела?

— Нет. Я не могу помнить все лица, которые видела в жизни.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Что мы хотя бы это понимаем.

Он сел рядом.

Я показала ему первую страницу. Когда дошла до пункта о муже, Антон прочитал его дважды.

— Тебе страшно со мной? — спросил он.

Я подняла глаза.

— Нет.

— Ночью было?

Я вспомнила голос из кофемашины.

— Во сне — да.

Он положил фотографию на стол.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже.

Некоторое время мы сидели молча.

Потом Антон спросил:

— Что ты собираешься делать?

— Послушать последнюю запись. И нормально поспать.

— Вот со второго лучше начать.

Впервые за день кто-то предложил мне действие, которое не требовало объяснить невозможное.

Я подвинулась ближе и положила голову ему на плечо.

Он обнял меня.

* * *

Тетрадь я читала уже в кровати.

На первых страницах Марк записывал короткие сны. Автобус. Экзамен, к которому не готов. Затопленная квартира. Через несколько недель появились подробности: разговоры, названия улиц, ощущения.

Иногда он сердился на себя.

«Опять понял, когда уже проснулся».

Иногда радовался.

«Посмотрел на руку. Шесть пальцев. Наконец-то догадался».

На полях возле этой записи было приписано позже:

«В следующий раз пальцев было пять. Не рассчитывать на один признак».

Я прочитала несколько страниц и закрыла тетрадь.

Хотелось устроить себе испытание: задать вопрос, найти дверь, добиться встречи. Но после бессонной ночи даже буквы начали двоиться.

Я записала в своём блокноте:

«Если снова увижу Марка, спросить, где его тело».

Потом подумала и добавила:

«Сначала — какой год он помнит».

Антон выключил свою лампу.

— Будешь ещё читать?

— Нет.

Я положила блокнот на тумбочку.

Перед сном почему-то вспомнила полотенце. Его грубую ткань под ладонью.

Глава 3

Я стояла в маленьком магазине.

За прилавком никого не было. На полках лежали пачки соли, свечи, банки с пуговицами. Возле кассы — наши домашние ножницы.

Я знала, зачем пришла: забрать обувь из ремонта.

Только обуви нигде не было.

— Сейчас принесу, — сказал кто-то из подсобки.

Я посмотрела на ножницы.

Мы купили их в прошлом году. Одно кольцо было треснуто, Антон обмотал его изолентой.

Почему они здесь?

Я взяла их за ручку.

Трещина была на месте.

И вдруг вспомнила, что лежу в кровати.

Прилавок накренился. Пол ушёл из-под ног, будто я стояла в лифте, который резко тронулся вниз.

Я схватилась за край.

Холодный металл. Крошка под пальцем. Выпуклая головка винта.

Падение остановилось.

Несколько секунд я боялась двигаться. Потом подняла голову.

Марк стоял по другую сторону прилавка.

— Ты пришла, — сказал он.

На нём была тёмная рубашка с закатанными рукавами. На этот раз я успела рассмотреть глаза: серые, с узким тёмным ободком.

— Какой сейчас год? — спросила я.

Он чуть улыбнулся.

— Для тебя?

— Для тебя.

Улыбка исчезла.

— Я не знаю.

— Последний, который помнишь.

— Две тысячи четвёртый.

Я стиснула край прилавка.

— Я говорила с твоей сестрой.

Он замер.

— С Олей?

— Она тебя ищет.

Марк быстро обошёл прилавок.

Я отступила.

Он остановился, не дойдя до меня.

— Она жива?

— Да.

Он прикрыл глаза ладонью.

Я увидела, как дрогнули пальцы.

Всё, что я приготовила сказать, рассыпалось. Хотелось немедленно объяснить ему, что Ольга ждёт, что у неё сохра-

нились фотографии, что он может попросить передать сообщение.

Но он спросил:

— Сколько ей лет?

— Я не уточняла.

— Хотя бы примерно.

— Пятьдесят.

Он опустил руку.

Теперь я поняла, почему он остановился.

Для него сестре всё ещё было двадцать восемь.

— А мама?

Я молчала слишком долго.

— Мне уже говорили, — тихо сказал он. — Но иногда я просыпаюсь и опять думаю, что она дома. Ждёт нас.

Марк отвернулся.

За прилавком тикали часы. Я слышала каждый щелчок и не могла придумать ни одного слова, которое стоило бы произнести.

— Прости, — сказала я наконец.

Он кивнул.

Я подошла и коснулась его предплечья.

Марк посмотрел на мою руку. Потом на меня.

— Можно? — спросила я.

Он снова кивнул.

Я обняла его.

Это было странно: прижаться к человеку, которого я по-

что не знала, и почувствовать, как он осторожно выдыхает у меня над ухом. Рубашка была тёплой. Под ладонью двигались мышцы спины.

Он не притягивал меня ближе.

Просто стоял, держась за мой локоть.

Через некоторое время я отступила.

— У меня мало времени. Наверное.

— Да.

— Где твоё тело?

Марк посмотрел на ножницы, оставшиеся на прилавке.

— Оля была в квартире?

— Да.

— Меня там не было?

— Нет.

Он коротко кивнул, будто получил подтверждение чему-то, о чём боялся думать.

— Я просыпаюсь в комнате, — сказал он. — Каждый раз в одной и той же. Там есть кровать, раковина и дверь. Иногда за дверью кто-то ходит.

— Где эта комната?

— Не знаю.

— Ты пытался выйти?

Он посмотрел на меня.

— Ника. Двадцать два года.

Мне стало стыдно за вопрос.

— Что я могу сделать?

— Найди запись.

— Она у меня.

Марк выпрямился.

— Ты слушала?

— Ещё нет.

Он подошёл к прилавку и перевернул ножницы кольцами к себе.

— В начале будет мой голос. Я назову дату и время. Потом долго ничего.

— Дальше?

— Дальше заговорит женщина.

— Кто?

Он поднял на меня глаза.

— Сначала я не понял, кто говорит. Потом узнал.

По магазину прошёл низкий гул. Полки начали отдаляться, хотя я стояла на месте.

Я вцепилась в прилавок.

Металл больше не чувствовался.

— Что она скажет?

Марк подошёл ближе. Я видела, как движутся его губы, но гул заглушал слова.

— Не слышу!

Он обхватил моё лицо ладонями.

На мгновение всё стало чётким.

— Она скажет: «Марк, пожалуйста, не отпускай меня».

* * *

Я проснулась и сразу записала фразу.

Рядом ровно дышал Антон.

На часах было 06:12.

Я лежала ещё минуту, прислушиваясь к дому. Потом тихо встала, взяла ноутбук и ушла на кухню.

Файл Ольги открылся с третьей попытки.

Щелчок кнопки.

Шорох.

Молодой мужской голос:

— Восемнадцатое ноября. Двадцать три сорок восемь.

Четвёртая попытка.

Потом начался шум.

Я смотрела, как движется курсор. Две минуты. Пять. Восемь.

На одиннадцатой минуте я услышала женский вдох.

Приблизила участок.

Подняла громкость.

— Марк, пожалуйста, не отпускай меня.

Я сняла наушники.

Свой голос я знала плохо, как все. На записи он всегда казался чуть ниже, чем в голове.

Но у меня было достаточно рабочих сообщений, чтобы сравнить.

Я открыла последнее, отправленное клиенту.

Прослушала.

Вернулась к кассете.

Вдохнула вместе с женщиной из две тысячи четвёртого года.

И слышала, как она плачет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.